Александр КУЛИКОВ

Автор: Жюри
21.04.2013 09:50

Лауреат Международного литературного конкурса "4-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2015". Обладатель литературной премии имени Владимира Таблера. Живет во Владивостоке (Россия).

Александр КУЛИКОВ, Владивосток (Россия)

Иванов, Семенов, Борменталь

И вот поднимает он камень, удобный голыш
(какая с утра замечательно хрупкая тишь!),
и вот поднимает он камень с прохладной земли
(какая заря удивительно нежная рдеет вдали,
как девушка). Камень параболу чертит, свистя...
Не плачь, о, не плачь, об окошке разбитом, дитя.

На звон медсестрица испуганной птицей летит,
румянец чахоточный сходит мгновенно с ланит,
румянец чахоточный сходит мгновенно на нет –
бледна, словно смерть, как застигнутый музой поэт.
Зловещий осколок сосулькой сверкает в руке,
и вот уже крики и стоны слышны вдалеке.

С зажатою колото-резаной раной внизу живота
стеклянно глядит в потолок Иванов-лимита,
стеклянно глядит в потолок, расставаясь с душой,
минуту назад еще наглый, веселый, большой.
Как будто бежал и, споткнувшись, упал на бегу,
кошелку с брусникой рассыпав на белом снегу.

Больничных березок рябые стволы за окном
листвой затрепещут, займутся зеленым огнем,
насупится дуб вековой, помолчит и вздохнет,
и слышно, как в небе, снижаясь, летит самолет,
где в первом салоне, над книгой зевая, как лев,
Семенов замрет, что-то в круглом окне разглядев.

Там снежной равниной без края лежат облака,
там всё еще тихо, там всё еще мирно пока,
но ангелы белые к ангелам черным гурьбой
уже подлетают, уже вызывают на бой.
И вот она, битва! Сверкание сотен мечей.
А он в это время распластанный, голый, ничей.

Распластанный, голый, ничей, весь в наколках и швах.
Нишкните, глаголы! Здесь хватит наречия «швах».
А впрочем, а впрочем, забыв о наречии «жаль»,
«Живучий, ублюдок!» – промолвил хирург Борменталь.
Сказал, как отрезал ненужные метры кишки.
Спустился во двор, подбирая к ступенькам шажки.

Стоит, прислонившись к столетнему дубу спиной,
во рту папироса, в глазах – любованье весной,
зеленым пожаром, сиренью, похожей на дым,
вставляемым в раму салатным стеклом листовым
и первой, его обновившею каплей дождя,
которая кругло сползает, почти не следя.

Почти не следя за идущим на землю дождем,
стоит Борменталь, ловит кайф, растворяется в нем;
видения роем проносятся в сонном мозгу:
кентавры пасутся на белом стерильном снегу,

кентавры (до пояса конь, а потом человек)
пасутся, роняя зеленые яблоки в снег.

Смерть Бучеры

Умер Бучера, умер проклятый, умер в субботу, умер!
Хоть поначалу не было знака, не было даже намека.
Как из ведра, как из бочки железной лил накануне ливень,
как и любил покойный Бучера больше всего на свете.

Струи хлестали, хлопали ставни, капли долбили камни,
все мостовые реками стали, ветер скакал по скатам
и пригибал деревья и мачты шхун и фелюг рыбацких,
сами собою на колокольне колокола звонили,

мчались коляски, брызги в прохожих из-под колес летели,
как обезумев, с гиком возницы мокрых коней хлестали,
окна звенели в лавке и громко лаялись две сеньоры –
всё, как любил покойный Бучера больше всего на свете.

Нищие, паперть покинув, скакали на костылях к воротам.
Вслед им раскаты грома катились, как по камням сентаво.
Молний клинки о кресты ломались на городском кладбище,
там, где сегодня камень надгробный лег на его могилу.

Вот оно, солнце, каким бывает, тетушка Кармелита.
Сколько сегодня яркого света на небесах разлито!
Окна и лужи светом играют, точно мячом, в пелоту.
Чайки, весело перекликаясь, машут «Счастливо!» флоту.

И напевает лоцман и боцман, даже колодник в трюме:
«Умер Бучера, умер проклятый, умер в субботу, умер!»
Умер Бучера, и на лужайке в парке жарят асадо.
Льются мальбек и цереза рекою, нет! уже водопадом.

Как обезумев, с гиком возницы возят весь день задаром.
Флейта смеется, туба хохочет, бандонеон, и гитара!
И до заката пляшут милонгу, слушают «Кумпарситу».
Вот оно, счастье, каким бывает, тетушка Кармелита.

Милая тетушка, но почему же в черное ты одета?
И почему ты горькие слезы льешь всю ночь до рассвета?
Горькие слезы льются и льются, дождь набирает силу
там, где сегодня камень надгробный лег на его могилу.

Во Владивостоке шторм

Во Владивостоке шторм.
Весь город – крепость,
взятая на абордаж врагом.
Все зонты – бессмыслица, нелепость.
Ветер разгибает их, как скрепы,
чтобы спицы заменить дождем.

Как штандарты
свергнутой державы
маются
наружки лоскуты.
Боже правый, а точней, неправый,
и почто
такое с нами – ты?

Ветер в кронах лает ирокезом.
Страшно. Дико. Бешено. Темно.
Гром гремит в порту своим железом,
ну и корабельными заодно.

Вот опять бабахнуло за молом!
И аллею накренило так,
словно бочки
с хлынувшим засолом
вбило в борт
и с Роджером веселым
хлестанул
по мокрой мачте флаг.

Гроздья гнева – в небе тучи.
Ярость
мутная клокочет у ворот.
Вот ушел под воду
первый ярус,
и второй ушел под воду
ярус;
мостовая, как река, течет.

Мимо – магазины и аптеки,
рыбный рынок, летний ресторан...
Улицы несутся, словно реки,
и впадают
в Тихий океан.

И уже без всяких аллегорий,
оторвав

от сопок берега,
мы
в открытое
несемся море –
целый город
к черту на рога!

Будем обезумевшею птицей
над пучинами
теперь парить,
с волнами бушующими
биться,
по морям, как призраки,
носится
и суда торговые топить...

Страница автора в сети